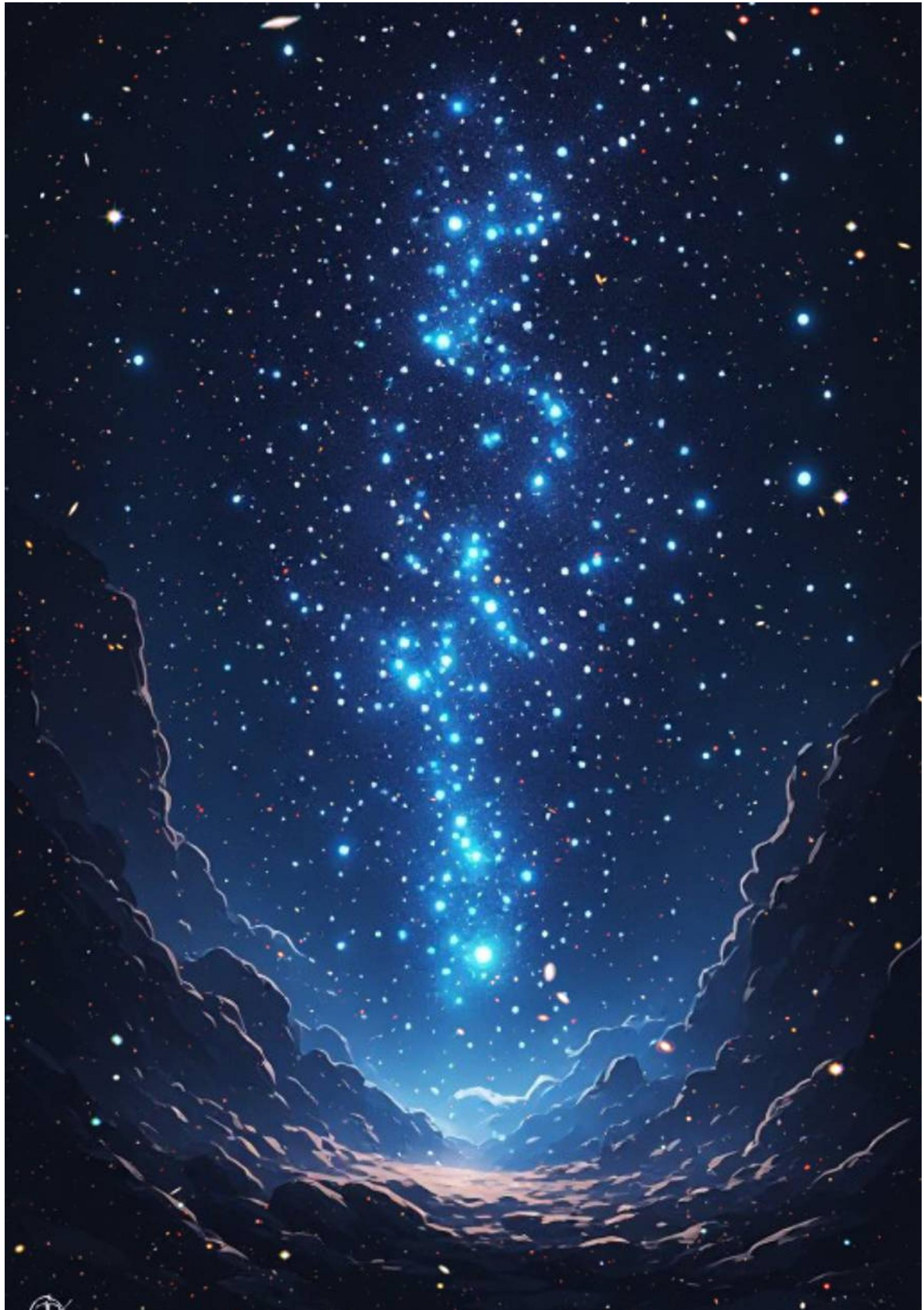

Eyforis Lurt

Ночные Истории

«Автор»

2026

Lurt E.

Ночные Истории / Е. Lurt — «Автор», 2026

Этот сборник — настоящий гимн доброте, дружбе и хрупкой красоте природы. Десять трогательных историй перенесут вас в живописные уголки мира: от солнечной Испании и норвежских лесов до австралийских прерий и глубин Средиземного моря. Здесь сухой пустырь превращается в солнечное поле, мусорная река становится чистой, а потерянный свет возвращается в лес. Эти сказки учат: природа отвечает на доброту благодарностью, а истинное счастье — в умении дарить тепло, не ожидая награды. Книга подарит уют и веру в лучшее читателям любого возраста. Откройте её — и мир вокруг заиграет новыми красками!

© Lurt E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Садовник Антонио и упрямый желудь	5
Бельчонок Финн и птичья песня	10
Девочка Лина и одуванчиковое поле	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Eyforis Lurt

Ночные Истории

Садовник Антонио и упрямый желудь

Часть первая. Старый садовник без сада

На краю высушенной солнцем равнины, где ветер гнал по земле облака пыли, а трава была жесткой и колючей, как проволока, стояла маленькая хижина. Ее стены были сложены из грубого камня, а крыша покрыта сухой соломой, которая давно потеряла свой золотистый цвет. В этой хижине жил старик по имени Антонио. Он был стар, очень стар — его лицо напоминало кору старого дуба, а руки, покрытые венами и мозолями, помнили прикосновение к тысячам саженцев, которые он зарывал в землю.

Антонио был садовником. Но не простым, а тем, у кого не было сада. Всю свою жизнь он пытался вырастить лес на этой бесплодной, сожженной солнцем земле. Каждую весну, когда первые лучи солнца начинали прогревать почву, Антонио выходил из хижины с мешком желудей и сосновых шишек в руках. Он шел по полю, останавливался у каждого пригорка, где можно было найти хоть немного влаги, и сажал свои семена. Он делал это с терпением, которое могло сравниться только с терпением самих скал, веками стоящих на ветру.

Но засуха была безжалостна. Дожди приходили редко, а когда приходили — были слишком короткими, чтобы напоить иссушенную землю. Солнце вставало и садилось, оставляя после себя лишь трещины и пыль. Ростки, которые с такой надеждой пробивались из земли, уже через пару недель желтели, скручивались и умирали. Антонио возвращался домой с пустыми руками, но с тяжелым сердцем. Он не сдавался. Он не мог сдаться. Лес, который он не видел, но чувствовал внутри себя, должен был появиться.

Соседи из ближайшей деревни, которая находилась в двух часах ходьбы от хижины, считали Антонио чудачком. Они пожимали плечами, глядя на его бесплодные труды.

— Старый Антонио, — говорили они, — зачем ты сажаешь деревья, если они умирают? Земля проклята. Здесь никогда ничего не вырастет. Уходи в долину, там есть вода.

Но Антонио качал головой. Он не мог уйти. Каждая пядь этой земли была ему дорога, потому что она помнила его прикосновения. Он знал, что где-то глубоко под этими песками есть вода. Он чувствовал ее, когда ложился спать и прижимал ухо к земле. Она была там, но слишком глубоко, чтобы корни молодых растений могли до нее добраться.

Однажды, в особенно сухой год, когда даже кактусы начинали чахнуть, Антонио решил отправиться на поиски новых семян. Он прошел по древней тропе, которую знали только старые пастухи, и добрался до старого дуба, который рос в расщелине скалы. Это было единственное дерево в округе, которое еще держалось. Его корни проникли глубоко в трещины камня, доставая до подземных вод, и оно стояло зеленым пятном среди бескрайней серости. Антонио часто приходил сюда. Он сидел под этим дубом, разговаривал с ним, просил у него мудрости.

В тот день дуб был особенно щедр. Под ним лежало множество желудей, но они были сухими и сморщенными, непригодными для посадки. Антонио перебирал их, надеясь найти хоть одно живое семя. И вдруг его пальцы наткнулись на то, что отличалось от других. Он поднял желудь и поднес его к глазам.

Желудь был крупным, но он был расколот пополам. Сухая, глубокая трещина шла прямо через его центр, разделяя семя на две части. Он был почти мертв. В нем едва теплилась жизнь. Обычно такие желуди выбрасывают, потому что они не прорастают. Но Антонио, глядя на этот расколотый, израненный желудь, почувствовал странную связь. Этот желудь был похож на него самого — старый, израненный, почти сломленный жизнью, но все еще живой.

— Ты как я, — прошептал Антонио, сжимая желудь в ладони. — Ты тоже устал, но ты еще дышишь. Я не брошу тебя.

Он убрал желудь в нагрудный карман своей старой, прожженной солнцем рубахи, прямо рядом с сердцем. Он чувствовал, как твердый орешек касается его груди, и ему казалось, что он слышит, как внутри него бьется чужое маленькое сердце.

Часть вторая. Сердечное тепло

Антонио вернулся в хижину, но в этот раз он не положил желудь в мешок с другими семенами. Он оставил его у себя, в кармане. Он решил носить его с собой, чтобы его дыхание, его тепло, его пульс передавались этому маленькому семени. Он знал, что в природе семенам нужна влага и тепло. Но если влаги не было, тепло могло стать той искрой, которая пробудит жизнь.

Каждый день Антонио просыпался, завтракал сухой лепешкой и запивал ее глотком воды. Затем он надевал свою рубаху, прикасался к карману, проверяя, на месте ли желудь, и выходил в поле. Он работал — копал ямки, убирал камни, разравнивал землю. Но теперь он делал это иначе. Он делал это, зная, что рядом с его сердцем бьется другая жизнь. Он разговаривал с желудем. Он рассказывал ему о том, какой будет зеленая роща, когда он вырастет. Он обещал ему, что они выживут вместе.

— Ты только прорасти, — шептал он, поглаживая карман. — Ты увидишь небо. Я покажу тебе его.

Ночи были холодными. Антонио сидел у очага, в котором едва тлели несколько сухих веток, и прижимал руку к груди, согревая желудь своим дыханием. Он чувствовал, как сквозь ткань проходит его тепло. Иногда он закрывал глаза и представлял, как внутри этого маленького твердого орешка начинается движение, как пробуждается клетка за клеткой, как жизнь побеждает смерть.

Проходили дни. Неделя сменялась неделей. Соседи замечали, что Антонио стал другим. Он перестал жаловаться на засуху. Он чаще улыбался. Он иногда говорил сам с собой, но в этих разговорах были слова надежды.

— Я знаю, что ты слышишь меня, — шептал он желудю. — Ты слышишь мое сердце. Ты знаешь, что я тебя не брошу.

На двадцатый день случилось невероятное. Когда Антонио, как обычно, достал желудь, чтобы проверить, что с ним, он заметил, что трещина на его поверхности стала шире. Но вместо того чтобы распасться на две части, желудь раскрылся. Изнутри, через трещину, показался белый, тонкий, почти прозрачный корешок. Он был таким маленьким, таким слабым, что его можно было принять за нить паутины. Но он был живым. Он прорастал.

Антонио замер. Слезы потекли по его щекам. Он не верил своим глазам. Он прижал желудь к губам и поцеловал его.

— Ты сделал это, — прошептал он. — Ты выбрал жизнь.

Теперь он знал, что нужно делать. Желудь нужно было посадить. Но не просто в землю, а в такое место, где его корни могли бы найти воду. Антонио пошел к старому дубу, к тому самому, под которым он нашел желудь. Там, в тени его кроны, где солнце не так сильно выжигало землю, была небольшая влажная почва. Антонио вырыл ямку, осторожно, стараясь не повредить хрупкий корешок, опустил желудь в землю и присыпал его. Он не стал закапывать его глубоко. Он хотел, чтобы росток чувствовал воздух, чтобы ему было легко пробиваться к свету.

Он посадил его прямо у корней старого дуба, как будто просил великана защитить малыша.

— Ты будешь его дедом, — сказал Антонио старому дубу. — Присмотри за ним.

Затем он вылил на место посадки всю воду из своей фляги. Он знал, что до ближайшего источника ему идти два часа, и что он останется без воды до вечера. Но это было неважно. Важно было, чтобы желудь получил свою первую каплю.

Часть третья. Садовник и росток

Прошел год. Каждый день Антонио приходил к старому дубу. Он приносил воду из единственного источника, который не пересыхал даже в самую сильную жару. Источник был далеко — в горах, в трех часах ходьбы. Антонио шел туда и обратно, неся тяжелую флягу, которая оттягивала ему плечо. Его ноги болели, спина болела, но он не пропускал ни одного дня.

Он сидел у того места, где посадил желудь, и смотрел на землю. Иногда ему казалось, что он видит, как под поверхностью шевелится корень, как он ищет свой путь вниз, к воде. Антонио разговаривал с ним, как разговаривают с собственными детьми.

— Ты растёшь, — говорил он. — Я чувствую это. Ты сильный. Ты преодолеешь все.

И вот однажды, когда он пришел к старому дубу, он увидел это. Из земли показался крошечный, нежный, бледно-зеленый росток. Он был высотой всего с палец, но он стоял прямо, тянулся к солнцу, как будто знал, что оно ждет его. На нем было два маленьких листочка, которые трепетали на ветру, как ладошки ребенка.

Антонио упал на колени. Он протянул руку, но не коснулся ростка, боясь навредить ему. Он просто смотрел на него, и в его глазах стояли слезы радости.

— Ты здесь, — прошептал он. — Ты вырос.

Теперь забота о ростке стала смыслом его жизни. Он поливал его водой из своей фляги, разрыхлял вокруг него землю своими старыми, дрожащими руками, защищал от ветра, соорудив небольшой экран из камней. Иногда по ночам, когда было особенно холодно, он приходил и накрывал росток старой тряпкой, чтобы он не замерз.

Соседи, которые редко заглядывали в эти места, заметили, что старый Антонио стал куда-то ходить. Они проследили за ним и увидели маленький росток, который зеленел у корней старого дуба.

— Это тот самый желудь, который был треснутым? — спросили они. — Ты что, выходишь из-за этого? Брось, он все равно умрет.

Но Антонио не слушал. Он продолжал ухаживать за ростком. Проходили дни, месяцы. Росток превратился в молодое деревце, а затем — в крепкий, высокий саженец. Его листья стали темно-зелеными, блестящими, как будто внутри них была заключена влага. Корни проникали все глубже и глубже в землю, ища тот самый подземный источник, о котором говорил Антонио.

И однажды, спустя три года после посадки, случилось чудо. Молодой дуб, который вырос из того треснутого желудя, нашел воду. Его корни добрались до глубокого подземного течения, которое никто не подозревал. И оттуда, из глубины, начал бить ключ. Вода хлынула на поверхность, сначала тонкой струйкой, а потом все шире и шире. Она напоила землю, просочилась в почву, и вокруг дуба начали расти травы, цветы, кустарники.

Антонио стоял и смотрел на это чудо. Он видел, как его мечта сбывается прямо на его глазах. Он не просто вырастил дерево. Он создал сад.

Часть четвертая. Сад, который спас всех

Прошло десять лет. Деревня, которая когда-то насмеялась над Антонио, теперь знала его имя. Посреди выжженного поля, где раньше не росло ничего, кроме сухой травы, возвышался могучий зеленый дуб. Его крона была такой широкой, что под ней могло укрыться от солнца несколько десятков человек. Его ствол был толстым и мощным, а кора — грубой, как у старого воина, прошедшего много битв.

Под дубом всегда было прохладно. От его корней бил источник кристально чистой воды, который не пересыхал даже в самую лютую засуху. Вода разливалась по полю, создавая ручейки, которые питали всю округу. Вокруг дуба вырос настоящий сад: орешник, рябина,

боярышник. Птицы вили гнезда в его ветвях, пчелы собирали нектар с цветов, которые распустились на его корнях.

Люди приходили к дубу, чтобы отдохнуть, набрать воды и поговорить друг с другом. Они больше не боялись засухи. Благодаря этому одному дереву, которое выросло из расколотого желудя, жизнь в долине изменилась. Крестьяне начали выращивать овощи, дети играли в тени, старики сидели у источника и вспоминали старые времена.

Но никто из них не забывал, кому они обязаны этим чудом. Антонио, старый садовник, теперь был самым уважаемым человеком в округе. Каждый день он приходил к своему дубу, садился под его крону, прислонялся спиной к его стволу и слушал, как шумит ветер в листьях. Он разговаривал с деревом, как с другом.

— Ты вырос, — говорил он. — Ты стал таким большим, что я не узнаю тебя. А помнишь, ты был маленьким ростком, который я держал у сердца?

Дуб шелестел листьями, как будто отвечал ему.

Однажды, в теплый летний день, к Антонио подошла маленькая девочка. Она держала в руке желудь, который нашла под дубом. Девочка была из той самой деревни, которая когда-то насмеялась над ним. Она подошла к Антонио и спросила:

— Дедушка, я слышала, что ты вырастил этот дуб. Как тебе это удалось?

Антонио улыбнулся. Его лицо, которое было сухим и морщинистым, осветилось теплом. Он посмотрел на девочку, на ее светлые волосы и любопытные глаза.

— Это было просто, — сказал он. — Я нашел желудь, который все считали мертвым. Я положил его рядом с сердцем и носил целый месяц. Я грел его своим дыханием, своим теплом. И он ожил. Потом я посадил его в землю и поливал, даже когда сам хотел пить. Я верил, что он вырастет, и он вырос.

Девочка задумалась. Она посмотрела на желудь в своей руке.

— А этот желудь живой? — спросила она.

Антонио взял его, поднес к уху, прислушался.

— Он спит, — ответил он. — Но если ты будешь носить его у сердца и любить его, он проснется. Дай ему время. И не бойся, что он кажется слабым. Иногда самые сильные вещи рождаются из самых треснутых семян.

Девочка кивнула, положила желудь в карман и побежала домой. Антонио смотрел ей вслед и чувствовал, как его душа наполняется покоем. Он знал, что этот желудь вырастет в новое дерево, которое продолжит его дело. А когда его не станет, земля будет в надежных руках.

Финал. Вечный сад

Прошли еще годы. Антонио стал совсем старым, почти не мог ходить. Но он по-прежнему каждый день просил, чтобы его приводили к дубу. Он сидел под его кроной и смотрел, как солнце играет в листьях. Ему казалось, что он слышит голос самого леса. Он понимал, что его жизнь была не напрасной. Он не построил домов, не нажил богатства, но он вырастил дерево, которое спасло целую долину. И это было больше любого золота.

Однажды, в ясный осенний день, когда листья дуба начали желтеть, Антонио закрыл глаза и больше не открыл их. Он ушел тихо, как и жил, оставив после себя только добрую память и сад, который цвел вокруг его дуба.

Жители деревни похоронили его у корней дерева, как он сам просил. На его могиле не было памятника, но каждый, кто проходил мимо, останавливался, чтобы поклониться старому садовнику. Многие из них сажали свои деревья в память о нем. И через несколько лет вокруг дуба вырос целый лес. Могучие стволы тянулись к небу, ветви переплетались, создавая зеленый шатер. Под этим шатром всегда была прохлада, всегда журчала вода, всегда пели птицы.

И каждый год, когда весна вступала в свои права, дети и взрослые собирались у дуба, чтобы вспомнить историю старого Антонио. Они рассказывали ее друг другу, передавали из уст в уста, и она не умирала, как не умирали деревья, посаженные его руками.

Маленькая девочка, которой Антонио когда-то подарил желудь, выросла и стала садовником. Она посадила сотни деревьев в разных местах. Она носила в кармане старый, засохший желудь, который дал ей Антонио, и всегда носила его у сердца, напоминая себе о том, что даже самая слабая жизнь может стать началом великого чуда.

Однажды она сидела под дубом и держала на ладони новый желудь, который только что нашла. Она смотрела на его гладкую, блестящую поверхность и думала о старом Антонио. Ей казалось, что он все еще рядом, что он шепчет ей:

— Не бойся отдавать тепло. Оно всегда возвращается. Сажай деревья, даже если тебе кажется, что они не вырастут. Земля помнит каждое семя, каждую каплю воды, каждую улыбку. Рано или поздно они прорастут. А когда прорастут — изменят мир.

И она сажала. Она сажала каждый день, каждый месяц, каждый год. И лес, который начался с одного желудя у сердца, продолжал расти, захватывая все новые и новые земли. Люди больше не боялись засухи. Они жили в изобилии, потому что вода, которую нашел тот самый дуб, питала все вокруг.

Символом долины стал дуб Антонио. Люди приезжали издалека, чтобы увидеть его, прикоснуться к его коре, постоять у источника. Многие оставляли у его корней маленькие желуди в надежде, что они тоже вырастут и изменят чью-то жизнь. И эти желуди, согретые человеческим теплом, прорастали, превращаясь в новые деревья, в новые леса, в новую надежду.

Говорят, что если приложить ухо к стволу дуба Антонио, можно услышать глухой, ровный стук. Это не сердцебиение дерева. Это — стук сердца старого садовника, который продолжает биться в каждой клетке, в каждой ветке, в каждом листе. Он не ушел. Он остался здесь, в этом лесу, который стал его настоящим домом.

Так заканчивается эта история. Но на самом деле она не заканчивается никогда. Потому что в каждом человеке живет свой Антонио. И в каждом из нас есть тот самый расколотый желудь, который ждет своего часа. Если мы согреем его своим теплом, если поверим в него, если будем поливать его, даже когда сами умираем от жажды, он вырастет в дуб, который изменит все вокруг. И тогда мы поймем, что дружба с одной маленькой жизнью может спасти от жажды целую округу. А наше сердце, которое умело любить, станет источником вечной воды для всех, кто рядом. И эта вода будет чистой и сладкой, как та, что когда-то нашла дорогу к корням самого старого, самого мудрого дуба в мире.

Бельчонок Финн и птичья песня

Часть первая. Сердце, которое дрожит

В самом сердце старого соснового леса, там, где высокие деревья упирались в небо, а солнечные лучи пробивались сквозь хвою, создавая на земле причудливый узор из света и тени, жил маленький бельчонок по имени Финн. Он родился в глубоком дупле старой сосны, которая стояла на холме, откуда открывался вид на бескрайнее море зелени. Его мать была заботливой и мудрой, отец — сильным и быстрым, и они научили его всему, что должен знать лесной бельчонок: как находить самые вкусные орехи, как ловко прыгать с ветки на ветку и как прятаться от хищников.

Но был у Финна один секрет, который он тщательно скрывал от всех. Он боялся грозы. Не просто боялся, а панически, до дрожи в лапках, до того, что его пушистый хвост, который обычно гордо взметался вверх, прижимался к телу, как мокрая тряпка. Каждый раз, когда небо затягивалось тяжелыми тучами, а вдалеке раздавался первый глухой раскат грома, Финн зажимивался, затыкал уши лапками и начинал мелко дрожать. Ему казалось, что небо сейчас рухнет на землю, что молнии испепелят лес, а гром разорвет его маленькое тело на кусочки.

Мать пыталась успокоить его. Она говорила:

— Финн, это всего лишь погода. Гром — это голос неба, он не злой. Он просто говорит, что скоро будет дождь, и деревья будут рады.

Но Финн не верил. Для него гром был чудовищем, которое рычит из-за туч, чтобы напугать его. Он не мог объяснить, почему он так боится, он просто чувствовал этот ледяной страх, сковывающий его маленькое тельце каждый раз, когда начиналась буря.

Он перепробовал все. Он пытался убежать от грозы, прыгая с ветки на ветку, но гром гремел везде, и Финн понимал, что от него не спрятаться. Он пытался спрятаться в самом глубоком уголке дупла, но звук проникал сквозь кору, заставляя его сердце биться быстрее. Единственное, что помогало хоть немного успокоиться — это пение птиц. Когда гроза затихала и первые лучи солнца пробивались сквозь влажный воздух, птицы начинали петь, и Финн постепенно переставал дрожать. Он слушал их звонкие голоса, и они казались ему самой лучшей музыкой на земле.

Но в грозу птицы замолкали. Они тоже прятались в своих гнездах, боясь молний и ветра. И в этой тишине гром звучал особенно громко и устрашающе.

Однажды в начале лета разразилась самая сильная гроза, которую Финн когда-либо видел. Небо стало черным, как сажа, ветер выл, как стая волков, и молнии били так часто, что казалось, будто весь мир превратился в одну сплошную вспышку. Финн сидел в дупле, прижавшись к задней стенке, и дрожал так, что его зубы стучали. Он закрыл глаза, зажал уши и ждал, когда все это закончится. Он слышал, как ветер срывает ветки, как стволы деревьев трещат и гнутся, как где-то вдали падает лесной великан, не выдержавший натиска стихии.

Внезапно, сквозь шум бури, он услышал другой звук. Это был не гром и не свист ветра. Это был крик. Тонкий, отчаянный крик, доносившийся откуда-то снизу. Финн насторожил уши. Он пересилил свой страх и выглянул из дупла.

Под деревом, на мокрой траве, лежал маленький птенец. Он был таким крошечным, что его почти не было видно среди разбросанных веток и листьев. Это был птенец зарянки — его оперение было еще серым, но на груди уже начинала проступать та самая оранжевая отметина, по которой взрослых зарянок узнают в лесу. У него было сломано крыло. Оно висело под неестественным углом, и птенец пытался приподняться, но каждый раз падал, издавая жалобный, тонкий писк.

Финн замер. Его сердце сжалось от жалости. Птенец был совершенно беззащитен. Если он останется здесь, его может съесть лиса или он просто умрет от холода и голода. Но чтобы

помочь ему, нужно было выйти из дупла. А на улице бушевала гроза. Гром гремел, молнии сверкали, и каждый звук заставлял Финна съеживаться.

Но крик птенца был настолько отчаянным, что Финн вдруг почувствовал, как его страх отступает. Он думал не о себе, а о том маленьком существе, которое лежало внизу и умирало. Он глубоко вздохнул, зажмурился на мгновение, а затем, пересилив себя, спрыгнул с ветки.

Он приземлился на мягкий мох, рядом с птенцом. Его лапки дрожали, но он заставил себя действовать. Он подбежал к птенцу, наклонился и коснулся его носиком. Птенец был холодным и мокрым. Он смотрел на Финна своими большими черными глазами, и в них была такая боль и такая надежда, что у бельчонка перехватило дыхание.

— Я помогу тебе, — прошептал Финн. — Не бойся.

Он забыл о громе. Он забыл о молниях. Он забыл о своем страхе. Он видел только птенца, который нуждался в его помощи.

Часть вторая. Забота, которая лечит

Финн начал действовать быстро и решительно. Он понимал, что птенец не может оставаться на мокрой земле, иначе он замерзнет. Он оглянулся вокруг и заметил, что под старым пнем, недалеко от того места, где лежал птенец, есть небольшое углубление, защищенное от ветра и дождя. Он подбежал к пню, осмотрел его и понял, что это идеальное место для временного убежища.

Затем он принялся собирать мох. Это было нелегко, потому что мох был мокрым и скользким, но Финн работал лапками так быстро, как только мог. Он натаскал целую кучу мягкого зеленого мха, уложил его в углублении под пнем, создавая теплое гнездышко. Он проверил, насколько оно мягкое, поправил его лапками и только затем вернулся к птенцу.

— Я сейчас перенесу тебя, — сказал он. — Потерпи.

Он аккуратно, с невероятной нежностью, подsunул свои лапки под тельце птенца и поднял его. Птенец пискнул от боли, когда его сломанное крыло дернулось, но Финн был так осторожен, что почти не причинил ему боли. Он отнес его в гнездышко из мха, уложил и прикрыл сверху еще одним слоем мха, чтобы птенцу было тепло.

— Теперь ты в безопасности, — прошептал Финн.

Он сам еще дрожал от холода и пережитого страха, но он не мог думать о себе. Птенец был голоден. Его маленький клюв открывался и закрывался, как будто он просил еды. Финн знал, что в лесу есть ягоды. Но ягоды были далеко, на поляне, куда нужно было бежать через мокрый лес. И где-то там все еще гремел гром.

Финн посмотрел на небо. Тучи начали рассеиваться, но ветер все еще был сильным, а гром гремел где-то вдалеке, за холмами. Страх снова попытался закрасться в его сердце, но он посмотрел на птенца, на его беспомощное тельце, на его закрытые глаза, и страх отступил.

— Я вернусь, — пообещал он. — Я принесу тебе еду. Только не умирай.

Он выбежал из-под пня и помчался по мокрой траве. Дождь хлестал по его шерстке, ветер пытался сбить его с ног, но Финн бежал. Он бежал к поляне, где росли сладкие малиновые кусты. Он добежал, набрал полные лапки ягод и побежал обратно. Он не обращал внимания на то, что его лапки скользят по мокрым камням, что его дыхание сбивается. Он думал только о птенце.

Когда он вернулся, птенец все еще был жив, но он был очень слаб. Финн сел рядом, взял одну ягодку и осторожно поднес ее к клюву птенца. Птенец приоткрыл глаза, почувствовал запах пищи и начал есть. Он был голоден, и ягоды, которые принес Финн, вернули ему силы.

Финн сидел рядом с ним всю ночь. Он не спал, хотя его глаза слипались от усталости. Он слушал дыхание птенца, проверял его тепло, подкладывал свежий мох, когда старый становился влажным. Он разговаривал с ним, рассказывал ему о лесе, о солнце, о том, каким красивым будет мир, когда он поправится.

— Ты обязательно будешь летать, — шептал Финн. — Ты будешь петь, как твои родители. А я буду слушать твою песню. Мы будем друзьями.

Так прошла неделя. Каждый день Финн приносил птенцу ягоды, воду в листьях, свежий мох. Он не отходил от него ни на шаг, боясь, что без его ухода птенец умрет. Он не думал о грозе, хотя за эту неделю прошло еще несколько бурь. Он просто не замечал их. Его мысли были заняты только одним: как спасти эту маленькую жизнь.

И птенец выжил. Его крыло, сломанное, но заботливо прикрытое мхом, начало срастаться. Он уже мог сидеть, немного двигать лапками, и его глаза стали ясными и живыми.

Часть третья. Песня, которая побеждает страх

На восьмой день, когда солнце впервые за долгое время выглянуло из-за туч и залило лес золотым светом, Финн принес птенцу последние ягоды. Он сидел рядом и смотрел, как птенец ест. Он был счастлив. Птенец поправился, он больше не выглядел больным и слабым. Его оперение стало ярче, а на груди появилось то самое оранжевое пятно, которое говорило о том, что он — зарянка.

— Ты почти здоров, — сказал Финн. — Ты сможешь улететь.

Птенец посмотрел на него. Его глаза, большие и черные, были полны благодарности. Он приподнялся на лапках, расправил свое здоровое крыло, а затем попробовал пошевелить тем, которое было сломано. Оно двигалось. Медленно, но оно двигалось. Птенец попытался взлететь, но упал. Финн подскочил к нему, чтобы помочь, но птенец остановил его легким касанием клюва. Он хотел сам.

Он попробовал снова. И снова. И на третий раз он взлетел. Невысоко, всего на несколько сантиметров от земли, но это был полет. Он сделал круг над Финном, а затем приземлился прямо ему на плечо. Финн замер. Он чувствовал тепло маленького тельца, чувствовал, как бьется его сердце.

— Ты... ты останешься со мной? — спросил он, не веря своим ушам.

Птенец, которого Финн назвал Сольвейг (что значило «солнечный путь»), мягко клюнул его в ухо. Это был знак дружбы. Да, он останется.

С того дня Финн и Сольвейг стали неразлучны. Бельчонок прыгал по деревьям, а зарянка летала рядом или сидела у него на плече, иногда забираясь в его пушистый хвост, чтобы устроиться поудобнее. Но самым удивительным было то, что происходило во время грозы.

Когда Финн слышал первый раскат грома, он, по привычке, начинал дрожать. Но в этот момент Сольвейг поднимала голову, набирала воздух в грудь и начинала петь. Ее песня была тихой, нежной, похожей на журчание ручья. Она переливалась и вибрировала, создавая такую гармонию, что даже гром казался просто фоном, а не страшным чудовищем.

Финн зажимался, слушал песню Сольвейг, и страх уходил. Он чувствовал, как тепло разливается по его тельцу, как сердце перестает бешено биться. Он прижимал к себе маленькую птичку и шептал:

— Спасибо тебе, Сольвейг. Ты делаешь гром просто музыкой.

Он понял, что его страх был эгоистичным. Он боялся, потому что думал только о себе. Но когда он начал заботиться о другом, о маленьком существе, которое нуждалось в нем, страх исчез. Он понял, что забота о ком-то, кто слабее тебя, делает тебя сильным.

Финал. Дружба, которая меняет мир

Прошли годы. Финн вырос в большого, красивого бельчонка с пышным рыжим хвостом. Сольвейг стала взрослой зарядкой, чей голос был известен всему лесу. Она пела так красиво, что птицы замолкали, чтобы послушать ее. И она всегда сидела на плече Финна, куда бы он ни шел.

Легенда о них разнеслась по всему лесу. Другие звери знали, что если они увидят бельчонка с птицей на плече, то перед ними тот самый Финн, который когда-то боялся грозы, а

теперь не боится ничего. Он стал символом храбрости и доброты. Звери приходили к нему за советом, когда им было страшно, и он всегда отвечал им одной и той же историей.

— Я тоже боялся, — говорил он. — Я боялся так, что не мог выйти из дупла. Но однажды я встретил того, кто был слабее меня, и понял, что если я не преодолею свой страх, он умрет. Я пересилил себя. И с тех пор я знаю: когда ты заботаешься о ком-то, собственные страхи становятся маленькими.

И звери, слушавшие его, уходили с теплом в сердце. Некоторые из них тоже начинали заботиться о слабых — о раненых птицах, о потерявшихся зайчатах, о старых ежах. И они тоже находили в этом силу.

Однажды, в особенно бурный вечер, когда небо заволочло тучами и началась сильная гроза, Финн сидел в своем дупле. Сольвейг, как всегда, сидела у него на плече. Гром гремел так сильно, что старые сосны вздрагивали, но Финн не дрожал. Он улыбнулся и погладил Сольвейг по голове.

— Слышишь? — сказал он. — Это музыка. Громкая, но музыка.

Сольвейг запела. Ее голос разнесся по лесу, перекрывая шум бури. И странное дело: где-то вдалеке другие птицы тоже начали петь, вторить ей. Даже сквозь гром было слышно, как лес наполняется жизнью.

Финн закрыл глаза и почувствовал невероятную легкость. Он понял, что настоящая храбрость — это не отсутствие страха, а умение действовать, несмотря на него. И эта храбрость приходит тогда, когда ты думаешь не о себе, а о других.

Так бельчонок, который боялся грозы, стал самым смелым существом в лесу. А птица, которая когда-то лежала у его ног со сломанным крылом, стала его лучшим другом. Их дружба длилась до конца их дней, и даже когда они состарились, они все так же сидели вместе: бельчонок и зарянка, два неразлучных друга, которые доказали, что любовь и забота побеждают любой страх.

И в лесу, где они жили, появилась новая традиция. Каждый год, когда начинался сезон гроз, молодые бельчата собирались у старой сосны, чтобы послушать историю о Финне и Сольвейг. Они узнавали, что страх не делает тебя слабым. Слабым делает бездействие. А если ты преодолеешь страх ради другого, ты обрешь силу, которая будет с тобой навсегда.

Я тоже вспоминаю эту историю, когда мне становится страшно. Я вспоминаю маленького бельчонка, который дрожал от каждого раската грома, и птичку, которая пела ему песню. Я думаю о том, что в каждом из нас живет свой Финн и своя Сольвейг. И если я перестану думать только о себе и начну заботиться о том, кто рядом, я перестану бояться. Потому что страх уходит, когда ты открываешь свое сердце.

Гроза все еще бушует за окном, но я слышу песню. Я слышу голос друга, который напоминает мне: ты не один. И этот голос громче любого грома.

В этом и заключается мудрость леса. В том, чтобы понимать, что мы все — одно целое. И когда одно существо заботится о другом, мир становится лучше. И гром превращается в музыку. И страх — в силу. И одиночество — в дружбу, которая длится вечно.

Девочка Лина и одуванчиковое поле

Часть первая. Город без цвета

Город, в котором жила Лина, был серым от рождения. Его построили из бетона и стекла, без единой мысли о красоте. Высокие, одинаковые дома тянулись бесконечными рядами, их фасады были покрыты многолетней копотью и пылью. Улицы были широкими, но безжизненными — никаких деревьев, никаких клумб, никаких скамеек, утопающих в зелени. Только асфальт, асфальт и еще раз асфальт. Он лежал под ногами, стелился до самого горизонта, и казалось, что город был залит серым бетоном, как гигантским саваном. Даже небо здесь казалось не голубым, а бледно-белесым, словно отражало цвет улиц.

Лина родилась в этом городе и прожила здесь все свои одиннадцать лет. Она была худенькой, тихой девочкой с большими глазами цвета морской волны и светлыми волосами, которые она заплетала в длинную косу. Ее лицо было бледным, но не от болезни, а оттого, что ей не хватало солнца и природы. Она часто сидела у окна своей комнаты, расположенной на седьмом этаже, и смотрела вниз, на бесконечную серую пустоту. Она пыталась представить, как бы выглядел этот город, если бы на его улицах росли цветы, если бы деревья давали тень, если бы утро начиналось не с гула машин, а с пения птиц. Она читала книги о других городах — о тех, где есть парки, скверы, где люди гуляют по аллеям, и вдыхали запах сирени. Она мечтала когда-нибудь увидеть такое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.